

Уведомление редактора

Докторская диссертация Жильбера Симондона, озаглавленная: *Индивидуация в свете понятий формы и информации*, частично появилась в двух отдельных работах. Одна издана в Presses Universitaires de France (Коллекция «Eriméthée», 1964) под заголовком: *Индивид и его физико-биологический генезис*. Другая – в издательстве Aubier Editions: (Res L'Invention Philosophique, 1989) под заголовком: *Психическая и коллективная индивидуация*.

Настоящее переиздание работы, первоначально опубликованной издательством PUF, включает два новшества:

1) Введение важной главы и нескольких параграфов из докторской диссертации, которых не было в предыдущих публикациях и которые включены непосредственно в текст. Среди недавно добавленных абзацев – размышление о диалогах *Парменид* и *Филеб* Платона (Часть II, II, 2) и длинное эпистемологическое обсуждение понятий *Формы* и *Субстанции*, составляющее главу III первой части, состоящую из трех разделов, разбитых на три и четыре параграфа:

I. *Непрерывное и прерывное.*

1. Функциональная роль прерывности.
2. Антиномия непрерывного и прерывного.
3. Аналогический метод.

II. *Частица и энергия.*

1. Субстанциализм и энергетизм.
2. Дедуктивный процесс.
3. Индуктивный процесс.

III. *Несубстанциальный индивид. Информация и совместимость.*

1. Релятивистская концепция и понятие физической индивидуации.
2. Квантовая теория: понятие элементарной физической операции, интегрирующей дополнительные аспекты непрерывного и прерывного.
3. Теория двойного решения в волновой механике.
4. Топология, хронология и порядок величины физической индивидуации.

Эта глава соответствует восьмидесяти пяти страницам докторской диссертации. Ею завершается первая часть, состоящая всего из двух глав в редакции PUF за 1964 год. Мы решили вставить эти неопубликованные фрагменты непосредственно в текст в квадратных скобках, и они предназначены, прежде всего, для того, чтобы привлечь внимание читателя.

II) Второе новшество включает добавление двух дополнений, или прибавлений, помещенных в конце работы, эпистемологические следствия из которых важны для понимания генезиса этого труда.

Одно касается: *Анализа критериев индивидуальности.*

Другое: *Проблемы аллагматики, или теории операций.*

Более того, работа, из-за нашей заинтересованности, включает в себя введение и примечание Франсуазы Балибар, где рассматриваются эпистемологические тезисы главы III первой части книги. Помимо эпистемологии и вопроса о технических объектах, эта работа касается практики философии в целом.

Мы благодарим членов семьи Жилбера Симондона за подготовку и восстановление неопубликованных документов, позволивших переиздать эту работу в исправленном и расширенном виде.

Ж. Г.

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ ЖИЛЬБЕРА СИМОНДОНА

Жак Гарелли

I. Философский и научный горизонт метода

После частичной публикации докторской диссертации Жильбера Симондона в 1964 году, озаглавленной *Индивид и его физико-биологический генезис* и заявленной как крайне важный труд,¹ он даже в мысли не предполагал того влияния, какое могла оказать ее оригинальность. Кроме того, в ходе Международного коллоквиума, посвященного ему в Cité des Sciences весной 1992 года, Юбер Курьен во вступительной речи утверждал, что «эта мысль – столь необходимая, столь плодотворная для нашего времени, столь образцово актуальная – должна быть извлечена из несправедливого забвения».² Чтобы оправдать такое ожидание, разделяемое многими философами, мы публикуем сегодня переиздание этой первой работы, исправленное и дополненное неопубликованными текстами.

Если уже было замечено, что данный труд парадоксальным образом оказывается в точке слияния размышлений, вдохновляемых мыслью ионийских физиологов касательно понятия *Physis*, размышлений о беспредельном Анаксимандра (ἄπειρον), размышлений Платона о Едином и о неопределенной диаде Великого и Малого, размышлений о том, как, в частности, этот принцип

¹ Paris, Presses Universitaires de France, Collection «Epiméthée», 1964.

² Материалы коллоквиума «Gilbert Simondon. Une pensée de l'individuation et de la technique», Bibliothèque du Collège international de philosophie, Albin Michel, Paris, 1994.

проявляется в обсуждении книг *M* и *N* *Метафизики* Аристотеля, в критике аристотелевского принципа гилеморфизма и субстанциального атомистического принципа Левкипа и Демокрита – и, с другой стороны, размышлений о самых последних теориях термодинамики, квантовой физики и теории информации,³ то редко отмечается, что сама книга *Индивид и его физико-биологический генезис* посвящена «памяти Мориса Мерло-Понти». Это – главная путеводная нить, ибо «память» подразумевает признание, а значит, верность и воспоминание. – О чем? – О размышлениях Мерло-Понти относительно доиндивидуального в его связи с индивидуализирующими формациями, о приглашении Мерло-Понти продумать до-сократическую мысль об «элементе-стихии», о его критике Теории формы, о гилеморфическом дуализме и, симметрично, о материалистическом атомизме, развиваемом некоторыми течениями современной психологии, и наконец, о радикальной критике Ничто и диалектики в том смысле, в каком такое понятие и такой подход манифестируют своего рода перевернутый позитивизм отрицания, отвлекающий философию от доиндивидуального измерения Мира.

С другой стороны, на методологическом уровне, есть общая позиция в отношении феноменологии Мерло-Понти и эпистемологии микрофизики так, как о ней высказываются Нильс Бор и Вернер Гейзенберг, согласно которым нельзя радикально отделить научный «объект», обнаруживаемый по завершении исследования, от путей мысли и от операциональных процессов, приведших к выявлению и конструированию этого объекта. Такая позиция крайне оригинально разработана – с учетом личной интонации – в симондоновской концепции трансдукции и информации, где речь идет о схватывании меры. Кроме того, по-видимому, трудно постичь проблематику Жильбера Симондона, задающегося, помимо прочего, вопросом *О способе*

³ См. на эту тему: J. F. Marquet. «Gilbert Simondon et la pensée de l'individuation» в *Actes Colloque Cité des Sciences*, изданном в Bibliothèque du Collège international de philosophie, Albin Michel, 1994. И примечание Ф. Ларюэля к презентации книги *L'Individuation psychologique et collective* Paris, Aubier, 1989.

существования *технических объектов*⁴, как обновленную форму физикализма. Такое посвящение Мерло-Понти вызвало бы удивление, учитывая позитивистскую манеру предлагаемого стиля.

Напротив, Жильбер Симондон предлагает с радикально новой точки зрения обдумать и преобразовывать именно такое странное отношение между, с одной стороны, досократическим продумыванием «беспредельного» и «элемента-стихии», а с другой продумыванием в стиле Мерло-Понти доиндивидуального сущего в его процессах индивидуации, связанного – и в этом состоит парадокс и слабо понимаемая оригинальность Жильбера Симондона – с термодинамической концепцией метастабильных систем, несводимых к порядку тождества, единства и инаковости. Вот что поставлено на карту в этом труде, чья сила изобретательности исключает любую попытку замкнуть его в потоке мысли, формирующем школу.

Если феноменология, со своей стороны, и может проявить интерес к такой медитации, то только благодаря тем вопросам, какие она ей задает, благодаря тем путям, маршрутам, бифуркациям, способам проблематизации, какие она разворачивает в горизонте вопрошания, составляющем ядро феноменологической озабоченности. Кроме того, исходя из центрального вопроса о доиндивидуальном в его процессе индивидуации, мы попытаемся ухватить легитимность понятий о метастабильной системе, об энергетическом потенциале и напряжениях, о проводимости и информации в размышлениях о доиндивидуальности сущего.

⁴ Paris, 1958, переиздание в Aubier в 1989 году.

II. Постановка под вопрос классических концептов и способов мышления: критика принципа индивидуации

В рабочей тетради за февраль 1960 года Мерло-Понти пишет: «Прекрасной же является идея рассмотреть в буквальном смысле *Erwirken* мышления: она действительно *пуста, невидима* – Все позитивистское старье «концептов», «суждений», «отношений» устранено, а дух бьет ключом, как вода из расселены Бытия – Нет необходимости искать духовные вещи, есть только структуры пустоты – Просто я хочу высадить эту пустоту в видимом Бытии, показать, что она – его *обратная сторона*, в частности обратная сторона языка».⁵

Критика Жильбером Симондоном принципа индивидуации, следствиями которой является критика формы, материи, субстанции, автономных фиксированных и устойчивых терминов, полагаемых как реальности сами по себе, формирующие структуру Мира, а также критика отношений, индуктивного и дедуктивного суждений, исходит из того же критического стиля, что и стиль, рекомендуемый Мерло-Понти.⁶

Фактически, именно из осознания тесной связанности движения сущего и мысли, порождающей сложные процессы индивидуации, возникающие из трансиндивидуального измерения мира, звучит этот двойной призыв Мерло-Понти и Жильбера Симондона к радикальному переосмыслению философских концептов.

⁵ *Видимое и невидимое* – Минск, И.Логинов. 2006. С. 314 [перевод изменен].

⁶ Если дата публикации *Видимого и невидимого*, по-видимому, указывает на то, что Жильбер Симондон не читал эти рабочие записи, как они зафиксированы в данной книге, то можно допустить, что дух радикального реформирования философских принципов, развиваемый Мерло-Понти в его курсах и беседах, был известен Жилберу Симондону, и что он мог только упрочить свое личное предприятие, исходящее из близких [к Мерло-Понти] медитаций о доиндивидуальном порядке Мира. Этим и объясняется почтение, выраженное в посвящении.

Поразительная простота демонстраций Жильбера Симондона с первых строк его докторской диссертации не должна заставить нас забыть о всей подготовительной работе, являющаяся результатом глубоких размышлений об ионийских физиологах,⁷ а также о мысли Платона и Аристотеля. Кроме того, именно завершение долгой исторической медитации, продолжавшейся в течение многих лет размышлений и учебы, привело к появлению настоящего труда. Так в чем же суть аргумента?

III. Бесспорные предпосылки принципа индивидуации

Первое предположение носит онтологический характер, в том смысле, что оно полагает как само собой разумеющееся, будто индивид – сущностная реальность, подлежащая объяснению.⁸ Это убеждение исходит из первенства, каким Аристотель наделяет индивидуальное, *οὐνολον*, когда задается вопрос о Сущем как Сущем. Но почему, спрашивает Симондон. Должно ли Сущее в своей совокупности полностью завершаться в множестве индивидуальностей, кои следует познавать? Почему сущее, как таковое, не должно возникать из доиндивидуального измерения? Соответственно, почему индивид, как он проявляется, не должен сохранять – в своем измерении сущего – доиндивидуальность, каким-то образом ассоциированную с тем, что может мыслиться в терминах «индивида», но несводимую к нему? Измерение,

⁷ Такая подробная медитация, предпринятая относительно досократических мыслителей, была зафиксирована в до сих пор не опубликованном тексте, озаглавленном *История понятия индивида*. Это чрезвычайно оригинальное произведение, критическое измерение и стиль вопрошания которого затрагивают нашу современность, нельзя оценивать мерками идеала филологического и исторического комментария, что и не входило в намерения автора. В ином смысле, речь идет об открытом диалоге, который этот философ устанавливает с мыслителями, смоделировавшими – от истоков западной мысли – наши категории и наши взгляды и остающимися всегда присутствующими – в нашей современности – собеседниками.

⁸ См. ниже, с.31, 32.

которое не переставало бы вмешиваться в формирование и эволюцию индивида и которое, следовательно, принимает двойную относительную ценность. В связи с доиндивидуальным сущим, из коего происходит индивид, не устраняя его. В связи с самим собой как сохранение ассоциированного доиндивидуального измерения, не перестающего моделировать его последующие индивидуализации. Если так, то следовало бы реформировать весь поиск принципа индивидуации и саму идею этого принципа.

Фактически, немаловажно отметить, что именно о теологической проблеме, о проблеме «различения ангелов в личностях» пишет Дунс Скот в своем трактате *О принципе индивидуации*. Проблематика, развиваемая в рамках метафизической дискуссии, подчиненной аристотелевской логике, которая сама управляется гилеморфическим дуализмом и теорией четырех причин. Таким образом, в «Вопросе I» *Ординации II*, дистинкции 3, части I, озаглавленном: «*Является ли сама материальная субстанция индивидуальной или единственной [singulière] в себе, то есть по своей природе?*», Дунс Скотт выражается в следующих терминах:

«(1) В третьем различении мы должны спросить себя о различении ангелов в людях. Теперь же, чтобы увидеть, что происходит с этим различием у ангелов, мы должны начать с вопроса о различении материальных субстанций у индивидов, ибо от способа, каким мы полагаем это последнее, зависит то, как мы полагаем множественность индивидов в одном и том же ангельском виде».⁹

Однако вопрос (2) манифестирует субстанциалистское происхождение дискуссии в споре, какой Аристотель ведет с Платоном. Он высказывается в таких терминах:

«(2) если так:

⁹ *Le Principe d'individuation*, p. 87. Trad. française G. Sondag, Paris, Vrin, 1992.

В Книге VII *Метафизики* философ выдвигает против Платона утверждение, что «субстанция каждой вещи – это то, что принадлежит лишь ей и не присуще другой».¹⁰

Именно эта неоспоримая мысль о субстанции, подобно логическим и метафизическим процессам обсуждения, требует критики, как только ставится проблема индивидуации.

Второе не подвергаемое сомнению предположение состоит в том, что у индивидуации есть принцип, который предшествовал бы ей и позволил бы объяснить формирование сингулярного индивида. Тот факт, что такая иерархическая структура с тремя ярусами – индивид, индивидуация, принцип индивидуации – поляризуется благодаря предоставляемой индивиду неоспоримой онтологической привилегии, конституирующей конечную цель исследования, усугубляется тем фактом, что поиск принципа индивидуации как такового проистекает из паралогизма, который выкристаллизовывается в двойной природе, присущей этому принципу. В этом отношении такому ложному курсу соответствуют две исторические установки. Одна – субстанциалистская, атомистическая, монистическая – обнаруживает в атоме Левкиппа и Демокрита абсолютный элементарный принцип, позволяющий объяснить формирование индивида и индивидулируемого универсума. Теория *клинамена* Эпикура объясняет непредвидимое [fortuite] формирование более сложных индивидулируемых структур, начиная с унитарного атома. Современный атомистический материализм, вопреки предостережениям Гейзенберга и Бора, продолжает рассматривать квантовые частицы как изначальные бесконечно малые субстанции, обладающие автономной реальностью, да и формирование материи продолжает следовать той же иллюзии.¹¹ Паралогизм состоит в наделении уже индивидулируемого атома статусом принципа, который, как пред-

¹⁰ Аристотель, *Метафизика*, Z, С 13, 1038b 10-11.

¹¹ Вернер Гейзенберг, *La Nature dans la physique contemporaine*, Paris. Gallimard, Collection «Idées», 1962. *Часть и целое*, Москва, Главная редакции физико-математической литературы, 1989. См. на эту тему J. Garelli, *Rythmes et mondes*, Grenoble. J. Million, Collection «Krisis», 1991.

полагается, объясняет само формирование индивида как такового. В другой терминологии и противоречивым образом, индивид возводится до объекта исследования одновременно с провозглашением принципа своего собственного объяснения. Но и дуалистическая гилеморфическая установка в аристотелевском стиле едва ли избегает того же противоречия, поскольку *эта* форма и *эта* материя, как условия и принципы формирования $\sigma\nu\nu\omicron\lambda\omicron\nu$ ^{*}, фактически трактуются как унитарные термины, уже индивидулируемые «причины». Итак, мало объяснить, что исключительно благодаря абстракции и апостериорности эти принципы могут освободиться от единственной конкретной реальности, коя и есть $\sigma\nu\nu\omicron\lambda\omicron\nu$, ибо, с одной стороны, они возводятся до высших метафизических причин, следовательно, устанавливаются как главные и первостепенные. Но с другой стороны, новизна Жильбера Симондона состоит в том, чтобы на конкретных примерах, заимствованных из формирования природных индивидуальностей, таких как острова на реке, песчаные дюны, образующиеся под напором ветра, овраги на дороге, прорытые сточными водами, образование кристаллов, а также на технологических примерах, таких как изготовление кирпича или распиливание ствола дерева, продемонстрировать, что формирование естественного или технического индивида никогда не приводит к наложению *некой* формы на *некую* материю. Гилеморфическая схема неотвратно позволяет избегать энергетических условий принятия формы, пребывающих в энергетических потенциалах, уже накопленных в структуре материи, которые естественные условия, возникшие случайно или в результате человеческого труда, могут освободить, сориентировать, направить на формирование индивида. С другой стороны, не существует структурирующей формы, которая на другом конце полуцепочки принятия формы опирается только на определенную материальную структуру формы, позволяя потенциальной энергии, включенной в форму, структурировать материю. Это проблема чрезвычайной сложности, де-

* целокупности (греч.) – прим. пер.

лающая устаревшим принцип гилеморфической индивидуации. Теперь, что касается художественного творчества, то есть формирования материальных индивидуальностей, которые благодаря компоновке их структуры побуждают мыслить, то можно показать, что формирование стихотворения в его несводимой индивидуальности по отношению к другому стихотворению, формирование картины или статуи никогда не подчиняются принципу монистической или гилеморфической индивидуации. Но процессу дифференциации, развиваемому из поля доиндивидуальных противоречий, которое конституирует метастабильный горизонт Мира произведения. Следовательно, поиск принципа индивидуации – будь то атомистического, субстанциалистского или же дуалистического, гилеморфического – приводит к противоречию с выискиванием в индивидуе – уже сформированном из атомов или конкретизированном согласно фиксированным терминам формы и материи, возведенным до уровня причин, – того, что должно было бы объяснить формирование индивида как такового. Эта ситуация заставляет Симондона задавать следующие вопросы:

Разве мы не можем представить себе индивидуацию как существующую без принципа, ибо она сама по себе является процессом, присущим формированию индивидов, никогда не завершающемся, никогда не фиксированном, никогда не стабильном, но всегда свершающимся в их эволюции, некая индивидуация, которая структурирует их так, чтобы они не удаляли при этом заряд ассоциированной доиндивидуальности, конституирующий горизонт трансиндивидуального Сущего, от коего они отделяются?

IV. Методолгические следствия такого вызова

Такова радикальная новизна проблематики Жильбера Симондона, которая позволяет осмыслить в терминах трансдукции процессы дифференциации, развертывающиеся из метастабильной, доиндивидуальной, формируемой напряжениями системы, чей индивид – одна из фаз развертывания. Именно в этом контек-

сте вступают в игру заимствованные из термодинамики понятия потенциального заряда, ориентированных напряжений, перенасыщения, фазового сдвига, а также понятие внутреннего резонанса системы. Согласно такой перспективе, вместо того, чтобы сводить онтогенез к ограниченному измерению, производному от генезиса индивида, речь идет о придании ему более широкой характеристики «становления сущего, то, благодаря чему сущее становится таким, каково оно есть, как сущее».¹² Онтологическое измерение проблемы усиливается в той озабоченности, с какой Симондон подчеркивает несостоятельность принципа тождества и исключенного третьего, выкованного в перспективе логики субстанциалистского и тождественного характера индивидулируемого сущего, дабы подступиться к проблематике доиндивидуального сущего. Таким образом, Жильбер Симондон может заявить:

«Единство, характерное для индивидулируемого сущего, и тождество, допускающее использование принципа исключенного третьего, не относятся к доиндивидуальному сущему, что и объясняет, почему мы не можем постфактум перекомпоновать мир с помощью монад, даже добавляя другие принципы, такие как принцип достаточного основания, дабы упорядочить их в универсум».¹³

Такая ссылка на Лейбница, как и ссылки на философов-досократиков, Платона и Аристотеля свидетельствуют о философском размахе дебатов, несводимых к строго физикалистскому подходу. Жильбер Симондон не только оправдывает философское использование понятий, заимствованных из термодинамики как парадигмы, но и точно объясняет исторические методологические причины, которые блокировали древних в четких альтернативах, установленных между бытием и становлением,

¹² *Индивид и его физико-биологический генезис*, с. 35.

¹³ *Там же*, с. 36.

движением и покоем, субстанциальной стабильностью и хаотической нестабильностью.¹⁴

Так, для понимания метастабильного равновесия, с которым нас познакомила термодинамика и которое Симондон оригинальным образом вводит в свою проблематику, задействована три положения.

Речь, во-первых, идет о потенциальной энергии системы.

Во-вторых, о понятии порядка величины и разного масштаба в системе.

В-третьих, о росте энтропии, что соответствует энергетической деградации системы и предполагает разрешение начальных потенциальностей. Тогда, принятие индивидуализирующих форм коррелятивно постепенной деградации потенциальной энергии. Так называемая завершенная форма – это стабилизированная энергия, соответствующая наивысшей степени негэнтропии.

Руководствуясь этой парадигмой, заимствованной из термодинамики, а не из физики неподвижных субстанций, игнорирующей проблемы энергии, о чем свидетельствуют концепты классической философии, особенно идея *res extensa*, Симондон пытается осмыслить порядок доиндивидуальности сущего в терминах потенциального перенасыщенного заряда в метастабильной системе, начиная с которого деградация энергии, следующая за состоянием сверхнапряжения системы, вызывает процессы дифференциации и индивидуации. Тогда, именно за счет фазового сдвига метастабильная система, заряженная перенасыщенным энергетическим потенциалом, индивидуализируется в то самое время, когда порождает из своих внутренних, еще не индивидуализированных напряжений обилие индивидуализирующихся форм, способных затем структурироваться в последующие си-

¹⁴ «Древние знали только неустойчивость и устойчивость, движение и покой, но они не знали ясно и объективно о метастабильности ... таким образом, можно определить это метастабильное состояние сущего, крайне отличающееся от устойчивого равновесия и покоя, которые древние не могли задействовать в поиске принципа индивидуации, поскольку никакая четкая физическая парадигма не могла пролить свет на их использование». Там же, с. 37.

стемы и преобразовываться в обновленные метастабильные равновесия. Таким образом, по выражению Симондона:

«...каждая операция и каждое отношение внутри операции – это индивидуация, удваивающая, сдвигающая по фазе доиндивидуальное сущее, соотнося – изначально без посредничества – крайние значимости, порядки величин».¹⁵

Ситуация, придающая отношениям заряд сущего, который превосходит и переполняет порядок знания и строго логических сигнификаций. Это то, что позволяет избежать дуализма между актом интеллектуального, абстрактного познания и инертными объектами, на которые опирается когнитивный акт.

Как избежать такой ловушки?

Во-первых, наделяя измерением сущего отношения, традиционно трактуемые в строго логических терминах, как это имеет место в классических теориях дедукции и индукции.

Во-вторых, трактуя операцию трансдукции совместно с операцией индивидуализирующего принятия формы, которая манифестирует переход от доиндивидуального метастабильного поля к индивидуациям в формировании. Разберем первый пункт. Отношения между полями крайних напряжений метастабильной системы и заряд потенциальности обладают рангом сущего в той мере, в какой дифференциальные значимости – между тем, что уже не может быть квалифицировано как предсуществующие термины, – еще не являются индивидуализированными, но соответствуют «измерениям» и «шкалам напряжений», из которых высвобождается разрешающая энергия системы. Согласно этой точки зрения:

«Отношение возникает не между двумя терминами, уже являющимися индивидами; оно – аспект *внутреннего резонанса системы индивидуации*; оно – часть состояния системы. Такое живое, которое, одновременно, больше и меньше, чем единство, подразумевает *внутреннюю проблематику* и

¹⁵ Там же, с. 38.

*может войти как элемент в проблематику, более обширную, чем его собственное сущее. Участие для индивида – это факт того, что он – элемент в куда более обширной индивидуации благодаря посредничеству заряда доиндивидуальной реальности, которую содержит индивид, то есть благодаря скрытым в нем потенциалам».*¹⁶ (Выделено автором).

Согласно второму пункту, трансдукция, тесно связанная с разрядом потенциальной энергии перенасыщенной метастабильной системы, проявляется как принятие формы и поэтому – в двойном сопряженном топологическом и ноэтическом смысле – как «ин-формация». Ибо, исходя из одного и того же движения, в котором процесс трансдукции, соответствующий разряду доиндивидуальной потенциальной энергии метастабильной системы, топологически «ин-формирует» структуру, позволяющую себя видеть и мыслить, мы можем опознать, что он ноэтически «информирует» о том, что он делает явным, и – согласно его ассоциированному доиндивидуальному заряду – о горизонте доиндивидуального сущего, от которого он отделяется. Это означает, что трансдукция – в отличие от индукции и дедукции, не обладающих рангом сущего, но являющихся строго логическими отношениями, внешними к предсуществующим терминам, кои они связывают, – раскрывается согласно двойному измерению сущего и мышления и никогда не является внешней к терминам, каковые она делает явными. Будучи индивидуализирующим движением познания, но также и движением сущего, трансдукция – это некое принятие формы, неотъемлемое от энергетического заряда метастабильной системы, который раскрывается как иное по отношению к единому и иное по отношению к тождеству. Как таковая,

«трансдукция – не только демарш ума: она также – интуиция, поскольку она – то, благодаря чему в области проблематики появляется структура как средство решения по-

¹⁶ Там же, с. 42.

ставленных проблем. Но, в отличие от *дедукции*, трансдукция не собирается искать принцип для решения проблемы области где-то в другом месте: она извлекает разрешающую структуру из самих напряжений этой области, подобно перенасыщенному раствору, кристаллизующемуся благодаря собственным потенциалам и в соответствии с содержащимися в нем химическими веществами, а не за счет присадки какой-либо чужеродной формы».

Именно в этом смысле трансдукция – это

«открытие измерений, чья система заставляет коммуницировать измерения каждого из терминов, и таких измерений, что полная реальность каждого из терминов области может быть упорядочена без потерь, без редукции в новых обнаруженных структурах».¹⁷

Таким образом, хорошая форма – это уже не стабилизированная, фиксированная форма, которую, как полагалось, обнаружила Гештальт-теория, а та, что богата энергетическим потенциалом и зарядом будущих трансдукций. Хорошая форма непрестанно вынуждает мыслить и в этом смысле порождать последующие индивидуации, в том смысле, что позволяет предвосхищать грядущие индивидуации. Тогда, информация, переносимая движениями трансдуктора, теперь должна восприниматься не как передача уже установленного кодированного сообщения, отправленного излучателем и переданного получателю, а как принятие формы: (топологическая информация), которая, начиная с обработанного поля доиндивидуальных напряжений, с того же самого движения, в каком форма индивидуализируется, информирует в ноэтическом смысле о том самом, что проявляется топологически и от чего она отделяется. «Луч времени», «луч Мира», который указывает на доиндивидуальность сущего, являющуюся его истоком и началом. В этом смысле информация – это «театр индивидуаций». Речь идет о ситуации, которая может быть поня-

¹⁷ Там же, с. 52.

та только в рамках перехода от энергетической проблематики метастабильных состояний к состояниям на пути к стабилизации, пребывающим тогда в ситуации разрешения, но также и энергетического истощения, подобно тому, как вулканические породы, в великолепии их отдельных форм, манифестируют энергетическую смерть предшествующего потока лавы. Итак, чистая форма, хорошая форма гештальтистов – это стабилизированная энергия, завершающаяся в конце всех своих процессов индивидуации и трансформации. То же можно сказать о чистой и законченной живописной форме, которая вырисовывается на горизонте почти неразборчивых очертаний предыдущих набросков, восхитительных подготовительных рисунков художников-рисовальщиков, позволяющих перу пробегать снова и снова, формируя доиндивидуальный клубок будущих рождений. Как таковой, рисунок – это обрабатываемое метастабильное поле напряжений, откуда постепенно возникают линии, где стабилизируются индивидуализирующиеся формы. Однако эти формы могут снова стать энергетической потенцией [puissance], если они будут сопряжены с другими формами и если они будут интегрированы в более сложную структуру, в которой они будут компоноваться как энергетический потенциал в фазах напряжений и в поиске разрешения. Жест художника, взятый в непосредственном контакте с таким полем линейной и цветовой метастабильности, – это театр индивидуаций.

Так обстоит дело, например, с фрагментом бюста статуи, сфотографированным в «коллаже», который сам по себе обладает фиксированной формой фрагмента стабильной реальности, перечисляемого и определяемого с помощью некоего имени, но который, будучи однажды интегрируемым в новую «систему», принимает значимость потенциального заряда, чье загадочное измерение связано с метастабильной совокупностью композиции. Однако, в такой метастабильной системе, пребывающей в фазе внутреннего резонанса, именно загадочный характер принятия формы, привнесенной чужеродным элементом, перекраивает совокупность, вызывая вопросы. Именно это указывает на то, что

вопрошание пересекается в хиазме мета-унитарной структуры композиции, нагруженной неисчерпаемым потенциалом форм и смыслов.¹⁸ С этого момента принятие формы – в топологическом смысле слова – благодаря своей структурной метастабильности, нагруженной неразрешимыми напряжениями, оказывается топологической и ноэтической «информациями» тесно переплетенными и взятыми в хиазме одна с другой.¹⁹

Кроме того, именно к не-тождественному миру, где формирующиеся индивидуации всегда относятся к лежащему в основе полю доиндивидуальности, чаще всего неявному и забытому, медитация Жилбера Симондона отсылает, как к неисчерпаемой загадке, над которой стоит поразмышлять.

V. Кризис понимания в физических науках и его влияние на философскую концепцию сущего

Тем не менее, в философской проблематике доиндивидуального и современной концепции сущего остается вопрос об использовании теорий, заимствованных из термодинамики и квантовой физики. Не обсуждая собственно технический аспект проблемы, нужно, однако, вспомнить о сложности дискуссии и важно поразмышлять об образцовом благоразумии Нильса Бора и Вернера Гейзенберга всякий раз, когда они обращались к вопросу о философском статусе – а можно было бы также сказать о «способе существования» – квантовой частицы. Таков вопрос, имевший онтологическое значение и лежавший в сердцевине размышлений этих физиков. Таким образом, полезно вспомнить разговор между этими двумя учеными, касающийся *Понятия понимания*

¹⁸ В другом месте мы показали на многочисленных поэтических и живописных примерах, как феномены внутреннего резонанса разворачивались в системах, созданных образами и игрой линий, масс и цветов. Cf. *Rythmes et Mondes*, IVe Section, «L'Entrée en Démesure» in *La Démesure*, Revue *Epochè* n° 5, J. Millon, 1995.

¹⁹ См. наше феноменологическое описание картины Брейгеля Старшего: «Безумная Грета», в *L'Entrée en démesure*, op. cit.

в современной физике.²⁰ Проблема, являющаяся также нашей проблемой, причем не только после того, как ставится вопрос о сущем, но и когда философ, приняв к сведению, что доминирующим состоянием природы выступает не материя, а энергия, ставит под сомнение способности нашего ума «понимать» составляющие этого феномена.

Итак, обратимся к насущному вопросу, сформулированному Гейзенбергом:

«Если внутреннее строение атомов столь мало поддается наглядному описанию, как Вы говорите, и если у нас, собственно, нет языка, на котором мы могли бы вести речь об этом их строении, то сможем ли мы вообще когда бы то ни было понять атомы?»

Бор секунду помедлил – сообщает Гейзенберг – а потом сказал:

«Пожалуй, сможем. Но нам надо будет все-таки сначала узнать, что означает слово ”понимание”».²¹

Имея в виду такую осмотрительность, можно попытаться оценить не менее осторожную позицию Жильбера Симондона, когда он обращается к квантовой теории и к возможному использованию волновой механики для разъяснения доиндивидуальной проблематики. Кризис смысла, встряхнувший научные и философские проблемы XX века, не может оставить эти вопросы в стороне.

Таким образом, оспорив механицизм и энергетизм, остающиеся теориями тождества, которые, как таковые, не могут в полной мере дать отчет о реальности,²² Симондон отмечает недостаточный характер теории поля, добавленной к теории корпускул, как концепции взаимодействия между полями и частицами, поскольку такие установки остаются частично дуалистическими. Однако

²⁰ Работа, цитируемая в ссылке 11.

²¹ Гейзенберг В. *Физика и философия. Часть и целое* – М.: Главная редакция физико-математической литературы, 1989. с. 172,173.

²² *Индивид и его физико-биологический генезис*, с. 35, 36.

они позволяют, согласно Симондону, перейти к обновленной теории доиндивидуального.²³

Именно тогда он предпринял попытку другого пути, принявшего в новой форме тезисы, разработанные Бором относительно взаимодополнительности квантовой теории и волновой механики, и постарался «увидеть сближение двух новых теорий, до сих пор остающихся непроницаемыми друг для друга».²⁴

Фактически, речь идет о том, чтобы «их можно было бы рассматривать и как *два способа выражения доиндивидуального* через различные манифестации, где оно вмещивается как доиндивидуальное».²⁵

Следуя такому методологическому подходу, Симондон отмечает, что

«Квантовая теория иным образом схватывает этот *режим доиндивидуального*, выходящий за рамки единства: обмен энергиями осуществляется благодаря элементарным количествам, как если бы имела место индивидуация энергии в отношениях между частицами, которые мы в некотором смысле можем рассматривать как *физических индивидов*».²⁶

Именно в рамках такой гипотезы, интегрированной в то, что он называет «аналогической философией “как если бы”», философ предлагает понять, что «ниже непрерывного и прерывного находятся квантовость и метастабильная дополнительность (большие, чем единство), являющиеся подлинным доиндивидуальным».²⁷

Размышляя о необходимости для физики корректировать и сочетать базовые концепты, Симондон предлагает гипотезу, согласно которой такая необходимость, «возможно, отражает тот факт, что *эти концепты пригодны только для индивидуируемой*

²³ Там же, с. 37-38.

²⁴ Там же, с. 38.

²⁵ Там же, с. 38.

²⁶ Там же, с. 38.

²⁷ Там же, с. 38.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru